

С волками жить. Образ волчицы в финно-угорской драме

Доклад Яны Жемойтелите на XIII Международном конгрессе финно-угорских писателей. Венгрия. Бадачоньтомай. 2015.

Литературный архетип волка бытует в фольклоре и литературе в форме бродячих сюжетов, начиная с Древней Греции. Но только после принятия христианства волк становится олицетворением нечистой силы, в язычестве у земледельческих народов существовал культ волка, который связывался с Велесом, отсюда и в литературе двойное восприятие образа волка – как исчадия ада и как природного помощника.

В русских сказках появляется Серый Волк – мудрый говорящий зверь, помогающий герою словом и делом. В латышской мифологии есть вилкатис – волкоподобный монстр, когда-то бывший человеком. Это не очень опасное существо, которое легко перехитрить. Иногда вилкатисы помогают людям, например, показывают сокровища.

У тюркских народов волк пользуется большим уважением. Образ прародителя Синего Волка есть в романе Ч.Айтматова «Плаха».

А вот в романе-сказании Г. Сазонова и А. Коньковой «И лун медлительных поток» описываются нравы и языческие обычаи манси. У них волк символизирует свирепость и жадность, коварство и похотливость и является созданием злого духа Нижнего мира.

Удмуртская писательница Елена Панфилова написала повесть «Мумы», в которой образ волчицы (мумы кион) олицетворяет саму природу – женская суть в конце повести достигает образа самой Вселенной, образа Жизни...

И это весьма знаменательно, поскольку финно-угорские народы, как известно, происходят от медведя, в отличие от тюрков, потомков волка. Поэтому чаще в фольклоре и литературе финно-угорских народов человек превращается в медведя. Так, у коми-зырян рассказывали о колдуне, отлучки которого заприметила его невестка. Она-то и увидела, как свекор пошел однажды в лес и там, перевернувшись через ствол склонившейся к земле березы, стал медведем. Невестка последовала его примеру, но задела ногой за березу, так что одна нога у нее осталась человеческой. Эта ошибка погубила оборотней: они не смогли снова стать людьми, и их убили охотники.

Большая часть историй, касающихся ликантропии, то есть оборотней, французского или немецкого происхождения. Эти сюжеты связаны в основном с охотой на ведьм и эпидемиями чумы, когда обезлюдевшую Европу заполонили стаи волков. В кинематографе способностью превращаться в волка обладают чаще всего мужчины, но это полная ерунда. Дело в том, что в какого бы зверя ни превращался человек, масса тела при этом сохраняется. А значит, вес человека-оборотня не может превышать 55 кг – это вес довольно крупного волка. Так что чаще ликантропии подвержены сравнительно миниатюрные молодые женщины.

И все же параллель женщина-волчица лежит глубже бродячих сюжетов. В качестве ментальной культурной матрицы она способна передаваться из поколения в поколение. Психотерапевты отмечают, что пациенты, проходящие психоанализ, манифестируют в своих сновидениях образы и символы, сходные с соответствующими ритуалами и испытаниями древних. Как если бы где-то в глубине себя, бессознательно, они пытаются произвести то, что не могут осуществить в своем сознании. Так, глубоко в каждой женщине сидит волчица – неконтролируемое разумом первобытное начало. Это образ тотемной Матери – Созидательницы – Богини всех существ. Живущая в человеческом бессознательном как первозданная сущность, она олицетворяет собой звериную самость, обитающую в том месте, где сливаются разум и инстинкт, в забытом мире смутных воспоминаний, который мы всегда будем искать, однако не способны и удержать, так как детали его ускользают. Там обитают остатки первобытного сознания, в котором еще нет тождества субъекта самому себе. Ступай в лес, ступай! – зовет Мать волчица. – Если ты не пойдешь в лес, твоя жизнь так и не начнется.

Эта концепция тем более симпатична, что в ней нет ни капли фрейдизма, хотя она и отсылает нас к бессознательному. Волчица не страдает комплексом кастрации – она самодостаточная величина, обладающая острой чувствительностью, игривым нравом и глубокой преданностью. Волчица пытлива и чрезвычайно вынослива. Ей свойственны глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, своем супруге и сообществе в целом. Волчица умеет приспособиться к меняющимся обстоятельствам, способна проявить жертвенность и чрезвычайную отвагу. Все эти качества в полной мере свойственны северной женщине.

В финской литературе и драматургии несколько особняком стоит произведение Айно Каллас «Невеста волка», написанная в 1928 году под влиянием романа с Эйно Лейно. Действие происходит в Эстонии на крестьянском хуторе. Молодая хозяйка Аало отлучается по ночам в лес, и муж ее Прийдик замечает кое-что странное. Владыка Волк, который зовет Аало на болото, – аналог дьявола, победить которого способно только освященное серебро. Но прежде всего это история любви. В 1937 год на основе повести была написана пьеса, в которой акцент немного смещен. В пьесе речь идет о свободе выбора для женщины в свете традиций феминизма, которыми славится Финляндия. Женщины Суоми получили избирательное право в 1906 году, первыми в Европе. На мой взгляд, подобная политизация сюжета была далеко не на пользу, т.к. сейчас пьеса Каллас в Финляндии считается старомодной.

Как переводчик повести Каллас на русский язык я задумалась над тем, что подобная рода история вполне могла случиться и в карельской деревне, причем в наши дни. Дело в том, что оборотни появляются не просто так, но во времена усугубления народных бедствий. Сперва увеличивается поголовье волков, а именно в последние годы и происходит в Карелии, а затем появляются и оборотни. Особенно богаты оборотнями болотистые местности – такие как Карелия и Белоруссия.

Повесть «Калевальская волчица» была написана в 2002 году и впервые опубликована в журнале «Карелия» на финском языке. Переводчик Тойво Вяйзинен получил премию Кастрена за большой вклад в литературу Карелии. Действие происходит в лесном поселке Хаапасуо Калевальского района, где некогда работал комбинат металлоизделий, но в связи с общим кризисом в промышленности огонь, вечный спутник человека, в кузнице металлокомбината затухает, и стоит огню отступить, как поселок начинают терроризировать волки. Надо сказать, что в зимний период в сельской местности волки – подлинно национальное бедствие. Встречаются они и на окраинах Петрозаводска, а уж про лесные поселки не стоит и говорить. И вот кузнец Костя начинает замечать кое-что странное за своей женой... В повести молодая женщина, воспитательница детского сада, действительно превращается в волчицу, однако детей не трогает. Прогулки в волчьей шкуре для нее – это побеги в иную жизнь, не ту, которая едва теплится в умирающем лесной поселке, погрязшем в воровстве и пьянстве. В конце концов, каждая женщина рождается для того, чтобы жить среди красоты и приумножать эту красоту. Но когда по объективным причинам это становится невозможным, да и неостребованным, остается уйти в лес, на болото, где еще обитает нетронутая красота. У нас в Карелии красиво там, куда еще не добрался человек или откуда он уже ушел. И это тоже повесть о любви, о рождении в искореженной душе прекрасного всепобеждающего чувства.

Почему меня привлек этот сюжет? Потому что в те времена моим тотемным животным была именно волчица в силу жизненных обстоятельств или обустройства самой жизни. Это сложно объяснить, каково чувствовать себя в волчьей шкуре, однако внутри собственного сообщества волки далеко не столь жестоки, как люди. Они ожесточены по отношению к внешнему миру, но в отличие от людей не идут против своей природы. Они созданы волками, вот и все.

В 2012 году этот же сюжет был осуществлен на сцене Национального театра в спектакле «Волчица», который до сих пор в репертуаре. Мы работали с режиссером Егором Чернышовым. Действие происходит в карельской деревне в давние времена, еще при Шведской короне. И опять за женой хуторянина Илмари замечают подозрительные странности. В данном случае волчица – символ инаковости, выпадения человека из общего контекста деревенской жизни. Во все времена подобные люди превращались в объект охоты для тех, кто мечтает очистить не только лесные чащи, но и дикие уголки души – истребить первобытное так, чтобы от него не осталось и следа. Невежды всегда проявляли хищническое отношение и к волкам, и к женщинам. В сценическом варианте героиня не превращается в волчицу на физическом плане, оборотнем ее делают обычные сплетни.

Чаще всего так и случалось во все времена. Подозрение в колдовстве и оборотничестве вызывали вовсе невинные вещи: насмешливый взгляд, родинки, рыжие волосы, высокая работоспособность – бесы, видать, помогают, – редкая красота и т.д. Особенно старалась Западная Европа, истребляя красивых женщин. На кострах инквизиции сгорело в несколько раз

больше ведьм, нежели колдунов. В Карелии как территории традиционно языческой колдуны были, напротив, уважаемыми людьми, потомки их – тоже уважаемые люди. Например, в Карельском филиале Академии наук РФ работает женщина из рода оборотней, предки ее умели превращаться в волков, и в этом никто не сомневается. Польский писатель Мариуш Вильк, который поселился у нас в Заонежье, просил ее провести над ним обряд превращения в волка. Но в последний момент отказался, испугался не вернуться в человеческое обличье.

Однако на ментальном плане превратиться в волчицу довольно легко, достаточно путешествия в области бессознательного. Именно это и случилось с героиней пьесы, как, вероятно, с множеством других женщин, которым недостаточно быть просто женой и вести хозяйство. Запертые внутри своего хозяйственного мирка, они рано или поздно сознают, что это уютная несвобода и что они были рождены для чего-то большего. В конце концов, речь идет о самореализации личности, праве на самоопределение, когда критерием служит лишь вопрос о верности своей натуре, а не определенной группе. Тем более что деревенское сообщество – это все-таки феномен общинного, родового сознания. И отделение от него, настаивание на собственном «Я» жестоко карается.

Остатки родового сознания в Карелии не преодолены до сих пор. Достаточно назвать два культовых произведения национальной литературы – «Родичи» Ортъе Степанова и «Мы карелы» Антти Тимонена. В обоих случаях в названии сквозит коллективное МЫ. Однако чтобы просто стать писателем (не волком), необходимо оторваться от коллективного сознания и настаивать на собственной самости. А это в свою очередь чревато развалом по линии судьбы и репутацией изгоя. На некотором этапе именно так случилось как со Степановым, так и с Тимоненом. По большому счету судьба изгоя, одинокого волка – удел любой творческой личности.